

Борьба антикоммунистической российской эмиграции за солдатские и матросские массы в СССР в условиях «холодной войны»

А. В. Антошин

Уральский государственный университет

Проблема роли армии в российских революциях в течение многих лет была одной из центральных в творчестве Николая Назаровича Попова¹. В своих работах ему удалось показать, насколько большое значение может иметь в кризисных ситуациях позиция солдатских масс. Однако не только этим обстоятельством обусловлен выбор темы данного исследования для его автора, являющегося учеником профессора. Занимаясь в последние годы изучением истории политических организаций российской эмиграции, мне приходится постоянно сталкиваться с источниками, которые убедительно свидетельствуют: антикоммунистическая часть русского зарубежья хорошо понимала особую роль армии и флота и пыталась вести разными путями пропаганду своих идей среди советских солдат и матросов. При этом она активно использовала прежде всего опыт функционирования большевистских военных организаций, который на материалах Урала наиболее обстоятельно был проанализирован именно Николаем Назаровичем Поповым.

Стремление политических организаций русского зарубежья вести пропаганду своих идей среди советских граждан обуславливалось осознанием того, что даже военная помощь со стороны иностранных государств не может быть единственным фактором в деле ликвидации существовавшего в СССР политического режима. Отметим, что значительная часть эмигрантов-антикоммунистов прямо заявляла, что в случае вооруженного конфликта между СССР и западными демократиями российское зарубежье должно занять «пораженческую» позицию, чтобы использовать эти события для изменения политического режима в СССР². Но это могло бы стать реальностью только при условии трансформации политического сознания советского общества. В противном случае жители СССР восприняли бы Запад и сотрудничавших с ним эмигрантов как ок-

купационные силы, что могло стать причиной формирования движения народного сопротивления. Эмиграция стремилась опереться в своей борьбе против коммунистического режима на население СССР, трансформировать его идейно-политические установки. Именно для этого необходимо было «проникнуть» в Советский Союз, создать на его территории свои структуры.

Известно, что подобные попытки предпринимались антикоммунистической эмиграцией и в 1920–1930-е гг. Однако деятельность Русского общевойскового союза (РОВС), Братства Русской Правды и других подобных организаций в целом не принесла желаемых результатов. Среди причин этого можно выделить эффективную работу советских спецслужб, тактические просчеты самих эмигрантов, убежденность значительной части населения СССР в справедливости существовавшей политической системы. Окончательное формирование тоталитаризма в СССР в 1930-е гг. привело к тому, что исчезли последние возможности для контактов политических течений эмиграции со своими соратниками в СССР, оказавшимися к этому времени в лагерях.

Фактически единственной довоенной политической организацией эмиграции, продолжавшей активную деятельность и в условиях «холодной войны», был Народно-трудовой союз (НТС). Для российских солидаристов, исходивших из стратегии подготовки народной революции в СССР, контакты с его гражданами, создание своих подпольных структур были особенно важными. Его довоенная деятельность в этом направлении не привела к необходимым результатам. Известно, что из 19 членов НТС, перешедших нелегально границу СССР в 1938–1940 гг., шестеро, очевидно, погибли при ее переходе, а еще четверо были быстро арестованы (один из них – В. Чеботарев – впоследствии перевербован советскими спецслужбами), несколько человек через некоторое время также оказались в лагерях. Практически никому из них не удалось закрепиться на нелегальном положении на длительное время. Одним из исключений является судьба И. Хлобыстова, который в годы войны был призван в армию, дошел до Берлина, а после демобилизации создал в Горьком группу НТС, раскрытую через несколько лет МГБ³. Однако подобные случаи были единичными.

Вторая мировая война дала возможность некоторым солидаристам войти на оккупированных Германией территориях в контакт

с населением СССР. После разгрома нацизма в 1945 г. они использовали в этих целях уже новые возможности, возникшие в связи с началом «холодной войны». Более того: и в солидаристской прессе тех лет, и в более поздних трудах исторического характера деятели НТС стремились подчеркнуть, что советские граждане активно откликнулись на пропаганду идей Союза. Лидеры марокканского отдела НТС в 1952 г., например, утверждали: «В наши ряды включаются люди на Родине. В Москве, Саратове, Ленинграде появились наши знаки»⁴. А на пленуме Совета Союза в декабре 1952 г. уже подводился итог: «Союз далеко уже не эмигрантская организация. Чем дальше, тем больше и скорее будет наше дело претворяться во внутрироссийское»⁵. На наш взгляд, подобными утверждениями лидеры Союза скорее выдавали желаемое для них за действительное. Доказывая, что к началу 1950-х гг. эмигранты уже получили полную возможность «приблизиться к миру психологии и понятий» антикоммунистического подполья в СССР, лидеры НТС справедливо ставили проблему поиска путей взаимопонимания между советской оппозицией и российским зарубежьем. К этому времени стало очевидным, что формирование этих двух составляющих сопротивления коммунистическому режиму проходило в принципиально различных условиях, что крайне затрудняло их диалог и координацию деятельности. Тем не менее в этом вопросе лидеры НТС были настроены достаточно оптимистично, полагая, что применение широкого арсенала пропагандистских методов может привести к тому, что советские граждане воспримут идеологические принципы Союза.

Основными инструментами идеологического воздействия НТС были периодические издания, распространявшиеся в СССР (прежде всего знаменитый журнал «Посев»), а также радиостанция «Свободная Россия». Однако были и попытки применить другие методы агитации: так, в 1951–1957 гг. солидаристские листовки сбрасывались с воздушных шаров. Прекращение подобной практики сами деятели НТС объясняют требованиями американцев, так как на тех же высотах, что и шары, летали американские самолеты-разведчики⁶. Неудачей закончились и попытки проникновения в СССР путем заброски парашютистов. Самым известным случаем такого рода были арест советскими спецслужбами и расстрел в 1953 г. группы,

состоявшей из С. З. Горбунова, А. В. Лахно, А. Н. Макова и Д. Н. Ремиги. Их гибель вызвала широкий резонанс в среде российской эмиграции. О реакции лидеров НТС на известие о расстреле молодых товарищей свидетельствовали названия статей в солидаристской прессе: «Это на нас», «Наша боль» и т. д.⁷ Не случайно после этого руководством Союза было принято решение о прекращении подобных акций.

Характеризуя методы агитационно-пропагандистской работы НТС, следует указать на использование им упрощенных лозунгов, рассчитанных на то, что потенциальной базой оппозиции в СССР является не только интеллигенция, но и рабоче-крестьянские массы, слабо разбиравшиеся в особенностях партийных программ. Характерно, что в 1951 г., например, штаб сектора пропаганды при исполнительном бюро НТС запланировал выпуск следующих брошюр для распространения в СССР: «Кто такие враги народа и почему против них надо бороться (о коммунистах)», «Борцы за светлое будущее (об НТС)», «За что должен бороться крестьянин», «За что должен бороться рабочий»⁸ и т. д. Такая вульгаризация основных лозунгов должна была способствовать популярности НТС среди представителей самых широких социальных слоев населения СССР. Однако, на наш взгляд, снижение интеллектуального уровня публикаций Союза, уменьшение удельного веса в них непосредственной пропаганды идеологических принципов солидаризма приводило к тому, что оппозиция в СССР лишалась духовного стержня, крайне недостаточной становилась ее позитивная программа.

Осуществляя пропаганду своих идей, солидаристы надеялись на возникновение в СССР подпольных партийных структур. Достаточно популярной в послевоенный период среди руководителей Народно-трудового союза была «молекулярная теория», разработанная В. Д. Поремским. Суть ее сводилась к формированию советскими людьми нелегальных организаций НТС, многие из которых могли не иметь связи с зарубежным партийным центром. Однако известный идеолог солидаризма Г. А. Хомяков, в итоге вышедший из Союза, писал впоследствии Б. В. Прянишникову: «Молекулярная теория – штука достаточно несерьезная, так она в сущности и воспринималась даже верхом НТС... Но это была необходимая “доктрина”, подобие веры в революцию и средство совершения или

хотя бы реальной подготовки ее, почему она и одобрялась. Примерно до конца 50-х гг. не было никаких сообщений, что “молекулярные призывы” хоть как-то там воспринимались и действовали. Не возникло никаких молекул⁹.

Одной из тех категорий населения, среди которых НТС вел наиболее активную пропаганду в 1950–1960-е гг., были моряки советского торгового флота, чьи корабли заходили в иностранные морские порты. Деятели НТС возлагали на них особую надежду, полагая, что они должны вернуться на Родину «передатчиками» антикоммунистических идей, своими глазами увидев, насколько далеки от реальности «басни коммунистической пропаганды» о капиталистических странах Запада¹⁰. Значительное внимание агитации среди советских моряков уделял главный печатный орган НТС – журнал «Посев», отмечавший важность привлечения их для ведения «конкретной революционной работы», необходимость создания ячеек Союза на кораблях¹¹. Вместе с тем в процессе пропаганды своих идей среди советских матросов НТС сталкивался с препятствиями, которые создавались спецслужбами СССР и партийными органами. О том, как проходило вступление типичного советского матроса в контакт с НТС, рассказывалось в распространявшихся солидаристами стихах:

На рейде стоишь в незнакомой стране,
Захочешь один побродить...
Нельзя одному. Запрещается мне
С «чужими» людьми говорить.

Однажды замешкался где-то пастух,
Услышал я русскую речь...
И все, о чем думал – тот высказал вслух,
На память значок дал сберечь¹².

Достаточно широкий резонанс имели в эмиграции сделанные лидерами НТС в 1957 г. заявления о создании революционного комитета Балтийского торгового флота. В состав ревкома, по данным прессы солидаристов, помимо сотрудников революционного штаба НТС, вошли помощник капитана Н. Нарвский, старпом С. Северянин, машинист В. Шугай, кочегар И. Балтиец, матрос П. Назаренко. Печатным органом ревкома была объявлена издававшаяся

НТС во Франкфурте-на-Майне газета «Вахта свободы». Заявлялось даже о положительном отклике на создание ревкома на судах Северного и Черноморского торговых флотов.

Именно анализ материалов газеты «Вахта свободы» позволяет выявить специфику солидаристской пропаганды среди советских моряков. Тексты агитационных материалов были ориентированы на целевую аудиторию – советских матросов. Активно использовались образы морской романтики, стереотипы моряков как вольных людей, чтобы стимулировать среди них оппозиционные настроения. Разрабатывались соответствующие тексты песен, которые должны были исполняться на мотив популярных среди советских моряков произведений:

Пусть родина знает: не будут стоять
На вахте бесправья и гнета
Привыкшие воздухом вольным дышать
Матросы торгового флота¹³.

Вместе с тем заметно и явное заимствование солидаристами элементов большевистской пропаганды, показавшей свою эффективность в 1917 г. Об этом свидетельствовало, в частности, само использование модели ревкомов. В ряде материалов газеты «Вахта свободы» подчеркивалось тяжелое положение матросов, находящихся в полной власти офицеров, что должно было стимулировать развитие среди них оппозиционных настроений. Наряду с этим заметно использование НТС и элементов советской официальной пропаганды более позднего периода. Очевидно, пародируя традиционные первомайские призывы власти к советскому народу, пропагандисты НТС заявляли: «Моряки! Шире используйте ваши выходы в заграничных портах для связи с НТС!»¹⁴ На наш взгляд, подобные лозунги не способствовали формированию у советских людей представления об НТС как серьезной антикоммунистической организации. Кроме того, это давало основания оппонентам НТС из среды российской антикоммунистической эмиграции для критики в адрес Союза в том, что он заимствовал модели коммунистической пропаганды.

Обосновывая использование идеи новой революции и набора соответствующих лозунгов, деятели НТС указывали на полное ис-

черпание революционного потенциала коммунистическим руководством СССР, его отход от «духа 1917 г.». Один из идеологов Народно-трудового союза, А. Н. Артемов, указывая, что власть в СССР загнана в «контрреволюционную оборону», отмечал, что даже сам язык коммунистической пропаганды стал «сусально-реакционным»¹⁵.

Противники послевоенного руководства Народно-трудового союза весьма скептически оценивали эффективность его пропаганды среди советских людей. Многие деятели антикоммунистической эмиграции были убеждены в том, что НТС явно преувеличивал масштабы своей деятельности. Существовало мнение, что революционный комитет Балтийского торгового флота никогда не существовал. Так, например, уже упомянутый Г. А. Хомяков писал Б. В. Прянишникову в 1980 г.: «С НТС дела просты. Что бы делали его “вожди”, если бы не занимались “революционной работой”? Это их профессия. Злой гений там не только Островский – не меньший может быть и Редлих, умный и циничный до мозга костей. Думаю, он и выдумывал им такие штучки, как “революционный комитет Балтфлота” и подобные этому миражи»¹⁶.

Таково же было отношение не примыкавшей к НТС антикоммунистической эмиграции и к заявлениям руководства солидаристов об успехах пропаганды среди солдат и офицеров советских войск в странах Центральной и Восточной Европы. Наиболее активно информация о «перебежчиках» поступала в период восстаний в ГДР в 1953 г. и в Венгрии в 1956 г.¹⁷ В период Венгерского восстания 1956 г. революционный штаб НТС призывал советских солдат и офицеров: «Не стрелять в трудовой народ! Создавайте революционные группы в войсках! Ищите связи с представителями ревштаба НТС!»¹⁸ Заметим явное заимствование не только большевистских организационных форм (революционные группы в войсках), но и апелляцию к чувству солидарности с «трудовым народом» Венгрии. Во время Берлинского кризиса 1948–1949 гг. солидаристами заявлялось даже о создании комитета с участием перешедших в лагерь антикоммунистов советских солдат и офицеров. Однако оппоненты НТС сомневались в том, что все это соответствовало действительности. Так, фикцией считал Берлинский комитет Г. А. Хомяков, отмечавший, что «перебежчиков в нем не было ни одного»¹⁹.

Некоторые противники НТС в эмиграции (например, лидеры РОНДД) обвиняли НТС даже в том, что он своей пропагандой предоставлял компрометирующий материал советским спецслужбам, давая возможность МГБ «вылавливать и уничтожать наиболее опасных им антикоммунистов», обвиняя их в чтении, хранении или распространении антисоветской литературы. На основании этого идеологами РОНДД даже делался весьма спорный вывод: «Всякому ясно, что никакой революционной пропаганды в СССР не нужно. Там – все и так враги коммунизма»²⁰. Подобные заключения давали многим эмигрантам основания подозревать, что РОНДД создано советскими органами госбезопасности для дезорганизации антикоммунистической диаспоры.

Выше была отмечена особая роль НТС в деле антикоммунистической пропаганды в СССР. Однако помимо него такой деятельностью пытались заниматься и другие эмигрантские структуры. Среди них можно выделить Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР) – наиболее крупное объединение бывших власовцев. Особую роль здесь играл С. А. Зауэр, долгое время являвшийся одним из лидеров СБОНР. Возглавлявшееся им издательство «Заря» выпускало пропагандистскую литературу для «передачи на ту сторону» (в частности, книгу о В. И. Ленине в связи со 100-летием со дня его рождения). СБОНР активно использовал в своей пропагандистской работе новые технологии, в частности, изобретение микрофильмирования. Архивные источники свидетельствуют, что именно в виде микрофильмов распространялись среди советских граждан многие образцы антикоммунистической литературы. Пропагандисты СБОНР пытались вести агитацию и в ходе личных встреч с гражданами СССР. Понимая, что открытая прямолинейная пропаганда антикоммунистических идей чаще всего неэффективна, они стремились вести работу по привлечению сторонников в СССР более осторожно. С. А. Зауэр, например, советовал О. П. Шидловскому: «С первого знакомства необязательно братья за защиту всей правды, так как получится сплошной спор. Полезнее наметить 1–2 пункта и бить по ним, а если будет еще 1 встреча, то остановиться на других местах. А то, что не сказано словами, должна досказать наша литература»²¹.

Интересна оценка самими антикоммунистическими пропагандистами реакции советских граждан на такого рода беседы. Об од-

ной из встреч С. А. Зауэр писал, что советские люди «отзывались о власовцах плохо, но без убеждения, а как ответ на заданный вопрос»²². На наш взгляд, подобная реакция граждан СССР вполне естественна в силу того, что антивласовская (и антинацистская) пропаганда в СССР была неглубокой и чаще всего ограничивалась формированием нескольких стереотипов. Последние достаточно легко разрушались при знакомстве с источниками, исходившими от самих противников СССР во Второй мировой войне.

На приобретение сторонников среди советских граждан надеялись даже некоторые эмигранты-монархисты. Это касается в основном тех противников республиканской формы правления, которым не был присущ консерватизм мышления. Анализируя ситуацию в СССР, они отчетливо видели неоднородность советского общества, эволюцию его взглядов. Монархист-легитимист граф Д. Капнист, например, призывал своих сторонников: «Каждого единомышленника будем считать другом, товарищем в борьбе. Откуда бы он к нам не пришел... Люди меняются, нечего считаться со старыми грехами. Перед Россией виновны все мы... Вчерашний коммунист может сегодня быть истинным монархистом. Не будем ему закрывать дверей»²³. Заметим, однако, что многие представители первой волны эмиграции из СССР из числа сторонников монархии, в частности значительная часть участников Белого движения в годы Гражданской войны, были настроены более непримиримо и открыто не высказывались о возможности сотрудничества с бывшими членами КПСС.

В целом же мнение большинства деятелей антикоммунистической эмиграции об эволюции идейно-политических установок советской молодежи, пожалуй, высказал Н. И. Осипов, отмечавший в середине 1960-х гг.: «Переключка эмигрантов с советской молодежью стала фактом. А ведь еще недавно страшно было слушать молодые голоса, доносящиеся из России». К концу периода хрущевской «оттепели» выяснилось, что между эмиграцией и советской молодежью нет «ледяного отчуждения», «разделяющей стены взаимопонимания». По мнению эмигрантского публициста, главными проблемами оставались недостаток взаимной информации и различие опыта: «У вас опыт подсоветский (многим из нас не чуждый), у нас – западный. Мы пережили опыт свободы, и – можем засвидетельствовать – в нем возникает соблазн рабства. Вы пере-

жили опыт рабства, в котором с чрезвычайной остротой пробуждается инстинкт свободы»²⁴.

По нашему мнению, не следует преувеличивать успехи российской антикоммунистической эмиграции в деле пропаганды своих идей среди советской молодежи, прежде всего солдат и матросов. Процесс отхода части молодых людей в СССР от коммунистических идей развивался не столь быстро, как хотелось бы эмигрантам. Зачастую последние выдавали желаемое за действительное, понимая, какой пропагандистский эффект может иметь информация о возникновении в воинских частях и на советских кораблях антикоммунистических ревкомов – символов приближения нового социально-политического взрыва в нашей стране.

¹ См., напр.: *Попов Н. Н.* Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов, 1983; и др.

² См.: International Institute of Social History (IISH). Fund of G. P. Maksimov. Folder 3; Бюл. Антикоммунистического центра Освободительного движения народов России. Мюнхен, 1948. № 1. С. 17; и др.

³ См.: НТС: Мысль и дело, 1930–2000. М., 2000. С. 18.

⁴ Африканские зап. (Касабланка). 1952. № 1. С. 5.

⁵ *Байдалаков В.* Состоялся съезд Совета Союза // За Россию (Франкфурт-на-Майне). 1953. № 1. С. 1.

⁶ См.: НТС: Мысль и дело, 1930–2000. С. 37.

⁷ См.: За Россию. 1953. № 5. С. 1–4.

⁸ См.: ГАРФ. Ф. 10032, оп. 1, д. 25, л. 15.

⁹ Там же. Д. 52, л. 68.

¹⁰ Вахта свободы (Франкфурт-на-Майне). 1956. № 1. С. 1.

¹¹ См.: Посев (Франкфурт-на-Майне). 1957. № 4. С. 5.

¹² Вахта свободы. 1956. № 2. С. 1.

¹³ Там же. № 1. С. 1.

¹⁴ Там же. № 2. С. 1.

¹⁵ *Артемов А.* Революция и контрреволюция // Посев. 1957. № 1. С. 2.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 10032, оп. 1, д. 52, л. 63.

¹⁷ См.: Посев. 1957. № 9. С. 5.

¹⁸ Грани (Франкфурт-на-Майне). 1956. № 32. С. 256.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 10032, оп. 1, д. 52, л. 68.

²⁰ Набат (Мюнхен). 1950. 15 окт.

²¹ ГАРФ. Ф. 10056, оп. 1, д. 20, л. 2.

²² Там же.

²³ Звено (Париж). 1973. № 2. С. 2.

²⁴ *Осипов Н.* Верьте инстинкту свободы // Зарубежье (Мюнхен). 1966. № 3. С. 1.